

— Ты возомнил себя кем? Монстром, выкопанным из глухой чащи? Лекарственным человеком, которого я собственноручно извлек из земли? Никчемным отродьем, которое не знает ни еды, ни питья? Я привел тебя сюда, я дал тебе одежду, я скрыл правду о тебе. И вот так ты мне отплачиваешь? — Лай Сюй вцепился в его воротник, и гневный румянец залил его лицо, перекинувшись на шею. — Ради тебя я отказался от семьи и детей, я терпеливо ждал, когда ты заговоришь, я уехал из шумного города, я спрятал тебя в этих заброшенных горах. Я каждый день охочусь, чтобы прокормить себя, а ты — не ешь, не пьешь и в этой глуши еще смеешь выглядеть таким высокомерным?

Ты — бессердечное отродье, чужак, монстр! Ты помнишь, как в самом начале не мог ходить, и я на руках вынес тебя из гор? Вот так ты мне платишь? Я предлагал тебе стать моей женой, а ты отказался — добром не понимаешь, значит, принужу силой, ты просто ничтожество! Хочешь сбежать? Думаешь, куда ты сможешь уйти? А? Ты, монстр, надеешься выжить в этом мире без меня? Это я выкопал тебя из земли, как ты мог забыть? Как ты мог забыть!

Лай Сюй одной рукой сжал его горло, а другой погладил по щеке, глядя на него с таким безумным, иступленным жаром, словно хотел расплавить собственные глаза:

— Как ты мог забыть? Я так хотел жить с тобой в мире, я ведь бывал с тобой нежен. Разве я мешал тебе выходить на улицу? Разве я бил тебя, когда ты меня игнорировал? Я молча, безропотно ждал, когда ты заговоришь со мной, я тихо, сдерживаясь, уговаривал себя не применять к тебе грубость. Я убеждал себя, что ты тоже человек, что ты понимаешь человеческие чувства, что ты не хладнокровный монстр. Я уговаривал себя относиться к тебе как к равному, я заставлял себя быть сдержанным, терпеливым, отдавать всего себя. Я вел себя ниже пса, но ты вел себя высокомернее бога!

Ха. Я хорошенько подумал: ты всего лишь лекарственный человек, чужак, от которого ждать добра не стоит. А я еще пытался относиться к тебе как к человеку, ухаживать за тобой. Это я был неправ, я, я! Мне следовало посадить тебя на цепь! Мне следовало дрессировать тебя, приручать, превратить в своего раба! Ты, монстр, не способен понять человеческих чувств, с тобой и нужно обращаться как со скотиной!

Лай Сюй сильнее сжал пальцы на его горле, но Юй Чэньинь молчал, глядя на него холодным взглядом. Он смотрел на него как на бешеную собаку, которая истекает слюной и рычит, при этом воображая себя чистой и благородной. Его руки и ноги были связаны, он не мог сопротивляться, поэтому лишь холодно наблюдал, как дикий пес бесится и вопит перед ним, как этот пес пытается показать свою мнимую мощь острыми зубами и когтями.

Лай Сюй продолжал изливать свою душу:

— Еще не поздно, ха, еще не поздно. Я поймал тебя, тебе не сбежать. Но не бойся, я не причиню тебе вреда. Я больше не жажду твоей любви, мне нужно лишь твое подчинение, чтобы ты никогда не смог меня оставить. — Лай Сюй разжал пальцы и прижал его к своей груди. Он гладил его мягкие длинные волосы, едва касаясь, словно демонстрируя нежность. — Сяо Инь, тебе страшно? Почему ты не дрожишь, не сопротивляешься, не бьешься? Ну же, обругай меня, скажи хоть что-нибудь! Ты испугался? Или тебе просто плевать?

Тебе плевать? Ха, я знаю, что тебе плевать. Как же я хотел быть жестоким, как говорил, как хотел, чтобы ты стал моим жалким рабом. Как же я мечтал, чтобы ты был моим монстром, моим отродьем, моим рабом — всем, чем я могу обладать. Как я хотел каждое утро видеть твою улыбку, как хотел, возвращаясь на закате домой, слышать: А-Сюй, ты вернулся? Я хотел, чтобы ты покорился, чтобы ты склонил голову и посмотрел на меня. Мне не нужно, чтобы ты пресмыкался в пыли, я просто хочу, чтобы ты сидел рядом и болтал со мной о пустяках. Можешь рассказывать, что делал утром, было ли тебе весело, скучал ли ты по мне; можешь рассказать, как днем опять расшалилась собака и ты не смог поспать. Если не хочешь ничего говорить — ничего страшного, я сам расскажу.

Я расскажу, каких зверей встретил на охоте, как чуть не погиб от клыков дикого кабана, как подстрелил оленя и хотел продать его, чтобы купить тебе новую одежду, как убегал от тигра — не из трусости, а из страха, что если я умру, тебя уведет кто-то другой. Я могу говорить очень-очень много, если ты готов слушать, если ты не против, я могу болтать с рассвета до полуночи, пока не охрипну, пока не стану немым. Если ты будешь счастлив, если ты захочешь, я сделаю что угодно.

Лай Сюй поцеловал его в щеку, и слезы покатались по лицу. Гневный румянец сошел, и слезы на этом только что безумном лице выглядели жалко и нелепо. Мужественное лицо охотника, рассуждающего самого с собой, казалось до крайности смешным. Он ничего не замечал, считая себя нежным:

— Сяо Инь, но ты не хочешь, тебе совершенно все равно. Я устал. Я не могу заставить себя причинить тебе боль, но и отпустить тебя не могу. Давай вместе уйдем из этого мира, Сяо Инь. Сходим в загробный мир, может, там я забуду тебя.

Лай Сюй достал припасенное отравленное вино. Он хотел сначала напоить Юй Чэньиня, но сердце пронзила боль, и он сам выпил полчаши. Больно, как же больно.

— Сяо Инь, два года прошло, сегодня самый счастливый день в моей жизни. Не бойся, если в аду есть злые духи, я защищу тебя. Не бойся, будет лишь капельку больно, а потом мы будем вместе всегда-всегда.

Лай Сюй улыбнулся и поднес чашу к губам Юй Чэньиня:

— Зря я так кричал на тебя, прости, Сяо Инь. Я просто боялся. Боялся, что у тебя нет изъянов, что ты не позволишь мне найти щелочку, чтобы пробраться в твое сердце, не позволишь искренне узнать тебя. Я ругал тебя лишь для того, чтобы ты разозлился, чтобы ты обратил на меня внимание. Я ведь не ударил тебя, правда? Я люблю тебя, люблю так сильно, что сам первым выпил яд, ты не можешь отрицать мою любовь. Даже в загробном мире я не забуду тебя. Сяо Инь, Сяо Инь... я люблю тебя всей своей жизнью, ты счастлив? Если счастлив, скажи мне хоть слово, пожалуйста?

Юй Чэньинь по-прежнему молчал и даже закрыл глаза.

— Значит, тебе и правда все равно, — Лай Сюй насмешливо улыбнулся самому себе. — Ну и ладно, неважно. — Он поднял руку, желая насильно влить отраву, но выпил слишком много, а яд действовал быстро. Рука дрожала, дрожала... Юй Чэньинь отвернул голову, и у Лай Сюя уже не было сил повернуть её обратно.

Он боролся еще какое-то время, но лишь уронил чашу, и вино разлилось по траве.

Лай Сюй умер.

Подул легкий ветерок, зашумела трава.

Развеял запах вина.

Юй Чэньинь открыл глаза и увидел багровый закат. Травы колыхались, в воздухе плыло красное марево. Даже труп Лай Сюя у его ног не мешал Юй Чэньиню любоваться закатом.

Два года назад он попал в этот мир, и в состоянии полузабытья был выкопан Лай Сюем из земли. Сознание возвращалось лишь временами, каждый день был как в тумане. В таком состоянии он не мог добраться до дворца, чтобы забрать Государственную печать.

Когда сознание Юй Чэньиня прояснилось, в его разуме раскрылась Книга Небесной Судьбы. В этом мире он был лекарственным человеком — хотя, скорее, духом, выросшим из целебных трав. Его кровь имела темно-зеленый цвет: если ее выпьет живой человек, это даст чудесный эффект, спасет даже умирающего, но побочные действия ужасны — безумие и галлюцинации. Если же выпьет только что умерший, он превратится в монстра — бездушное чудовище.

Юй Чэньинь просмотрел предначертанную судьбу, но не собирался ей следовать.

В ночь его смерти душа покинула тело. С высоты он увидел, как яхта старшего брата все это время не покидала акваторию. Когда сопровождающий врач констатировал смерть, старший брат внезапно обмяк и опустился на колени на палубе, обнимая его безжизненное тело.

Вэй Яньшань никого не подпускал близко. Он прижал к себе труп Юй Чэньиня и, склонившись, тихо, едва слышно прошептал ему на ухо:

— Сяо Инь, Сяо Инь, я знаю, что ты устал, но скажи хоть что-нибудь, поговори с братом. Старшему брату страшно, брат... — Вэй Яньшань захлебнулся рыданиями и не смог продолжить. Он отвесил себе пощечину — негоже так выглядеть на похоронах, дурной знак.

Вэй Яньшань изо всех сил растянул губы в улыбке: улыбайся, ну же, улыбайся, Сяо Инь же рядом, нельзя его пугать.

Он продолжал что-то бормотать и бормотать над телом. Неужели он думал, что пока его губы

не замолчат, человек в его объятиях не умер?

<http://bllate.org/book/18606/1791622>